

Сов. культура. — 1990. — 10 июля. — С. 9

Любителей сенсаций, а также новостей из личной жизни деятелей искусства просят не беспокоиться. Ни семейные, ни творческие (увы!) узы не связывают Екатерину Васильеву и Александра Сокурова! — если, конечно, не подразумевать под творческими узами фотоискусство Виктора Баженова, автора снимка.

Может быть, лишь будущий историк, изучающий пути русского искусства, сумеет найти слова, дабы обозначить не прямые и, как это всегда бывает, главнейшие связи, незримо правящие жизнью творчества. Отозрет трехстепенное, забудется случайное, из борьбы имен и идей кристаллизуется движение стилей, подлежащее академическому анализу: вот тогда, не исключено, имена Васильевой и Сокурова вновь возникнут рядом — допустим, в исследовании под названием (допускать так допускать!) «Трагедия искаженной красоты как лейттема русского зрелища в период распада тоталитарного общества (посл. четв. XX в.)». И тогда скорбное великопение васьильевской Сарры во МХАТе и изысканная гротесковость Аркадиной на Красной Пресне будут осмыслены рядом с жесточайшей квазиэротикой «Спаси и сохрани», тогда задним числом будет разгадана форма стиля — но не тайна таланта, которая всегда остается тайной.

Покажем — сознавая всю неокончателность и спорность собственных пунктирных замечаний — скажем два-три слова о наиболее очевидном: о том, что роднит артистизм Васильевой и режиссерский стиль Сокурова. Речь сейчас не о тонком и заостренном чувстве формы, в особенности «излогов породы», ослепительно проявляющих архитектуру целого (так землетрясение обнажает пласты горного массива): этим даром, в большей или меньшей степени обладают уже многие. Речь даже не о том, «из какого сора растут стихи», не об укорененности прекрасного в будничном и низменном, открытой, на свою беду, XX век. — оно важно лишь как предпосылка нащупываемой темы. Васильева и Сокуров, каждый своими средствами, внесли в современное русское искусство новый смысл, новую тональность отношений красоты и неблагоприятности — тех же самых «стихов» и «сора», — они ощутили в наэлектризованном воздухе времени новое качество эстетизма. Страдальчество. Муку прекрасного, обязанного пожить о своем беспризорном происхождении.

Задачи страдальческого эстетизма, как это ни парадоксально внешне, приближаются к задачам религиозного искусства. В сущности только так, наверное, и можно примирить слова о красоте, спасающей мир, с пафосом жертвенности и искупления. «Элегии» Сокурова, переплавляющие броуново движение социума в соборное действие, в этом смысле как бы благословляют издали отчаявшихся героинь Васильевой: все проиграно, но все не напрасно. Впрочем, и наоборот тоже: решуь сказать, что трагическое жеманство «Скорбного бесчувствия» предвосхищено едва ли не в главном — васьильевской эксцентриадой из «Бумбараша», где все напрасно, но ничто, кроме жизни, не проиграно.

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

Фото В. Баженова.